

10. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
 11. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
 12. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
 13. Бронников А. А. Внедрение онлайн-ресурсов в электоральный процесс (опыт США) // Социодинамика. 2013. № 9. С. 130–152.
 14. Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. М. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интер. 2014. № 7. С. 44–77.
-

Glukhikh V. A.
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

Eliseev S. M.
Saint Petersburg State University

The tendency to reduce electoral activity is one of the acute problems in the sphere of political relations. This trend can be observed not only in the countries of the new, but also in the "old" democracy. Models of economic and political behavior are changing with the development of the information society. People spend more and more time in social networks, plunging into virtual reality, going away from problems of social reality or first-order reality. The problem of using Internet memes in election companies is studied here. This phenomenon has emerged relatively recently and represents a new tendency in modern politics. The main ideas of the theory of memes and the practice of their use in modern politics are briefly described in the article.

Internet memes, social networks, public policy, electoral processes, information society

УДК 316.77

А. А. Солдатов

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В США В 2016 Г.

Проведен социологический анализ основных итогов президентских выборов 2016 г. в США и изменений, происходящих в американских электоральных процессах. При анализе использованы сетевой подход, теория ресурсной зависимости и концепция социального класса. Сделаны выводы о начале размытия устойчивых политических коалиций в американской политической системе и об образовании в этой стране новой политической ситуации.

Президентские выборы, политический рынок, США, политическая культура, коммуникация, ядерный электорат

Прошедшая в 2016 г. американская избирательная кампания проявила ряд особенностей, которые существенным образом отличали ее от предыдущих.

1. В избирательной гонке активное участие принимали «неформатные политики». Это в первую очередь относится к «демократическому социалисту» Берни Сандерсу, который на партийных праймериз незначительно уступил основному фавориту демократов Хиллари Клинтон. В связи с этим следует подчеркнуть, что сам термин «социалист» практически никогда ранее не употреблялся по отношению к ведущим американским политикам и во многих случаях несет в себе отрицательный для граждан США смысл. Однако Сандерс сумел при-

влечь в свой лагерь значительную долю молодых избирателей заявлениями о преимуществах бесплатного образования и миролюбивыми внешнеполитическими месседжами. Это в определенной степени свидетельствует о начале «размыва» устойчивых дихотомий традиционного американского политического поля по принципу: правый-левый, либерал-консерватор.

Это же самое можно сказать в отношении главного фаворита избирательной гонки среди республиканцев Дональда Трампа, победа которого на праймериз, а затем и на президентских выборах (по количеству выборщиков) в буквальном смысле повергла в шок не только политический истеблишмент США, но республиканскую партийную элиту. Кандидат от консервативной части республиканской партии внес в электоральное состязание элементы шоу, не являясь при этом профессиональным политиком. Основной предвыборный посыл Трампа – «американизм» вместо «глобализма» – нашел всеобщий отклик в среде «ортодоксальных республиканцев».

2. Минувшая предвыборная кампания в США проходила в условиях наличия как никогда прежде мощного «российского фактора». Это напрямую связано с сильными разногласиями наших стран по целому ряду международных проблем, таких как Сирия, Украина, ЕвроПРО. Пожалуй, впервые российская тема стала фактором внутривнутриполитической борьбы, и по данному вопросу не наблюдалось межэлитного консенсуса даже внутри основных партий. В роли «ястребов» выступал традиционный политический истеблишмент как у демократов, так и у республиканцев, а антироссийские идеи аккумулировал предвыборный штаб Х. Клинтон. В свою очередь гибкая стратегия Д. Трампа допускала значительные отклонения от правоконсервативного видения американского гегемонизма, и республиканский кандидат говорил о сотрудничестве с Россией по отдельным вопросам в случае своего избрания, чего, впрочем, пока не произошло.

3. Прошлогодний предвыборный процесс обнаружил факт высокого антирейтинга основных претендентов на пост президента США. Это связано с немалыми разочарованиями американцев предыдущим шестнадцатилетним политическим циклом, когда США были втянуты сразу в несколько военных конфликтов, но нигде не смогли полностью добиться поставленных целей. На эти факторы накладывается и множество внутренних проблем: нестабильность на рынке ипотечного кредитования, поток нелегальной миграции, межрасовые конфликты и волнения. Для определенного круга американской элиты и экспертного сообщества становится все более очевидным, что нынешняя американская политическая система уже не всегда может дать адекватный ответ на возникающие внешние и внутренние кризисы.

Однако приход политиков нового поколения затруднен наличием жестко сложившейся двухпартийной системы с ее вековыми традициями и установками. В то же время сама политическая культура американского общества претерпевает значительные изменения. Так, например, молодому поколению граждан США непонятны страхи ветеранов холодной войны, и это отчетливо проявилось на президентских выборах ноября 2008 г. в противостоянии воинственного Джонна Маккейна и миролюбивого в то время Барака Обамы.

Для анализа названных проблем следует рассмотреть целый ряд существенных задач, высвечивающих сущность современных политических процессов в США и то, как они влияют на международную политику в целом. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это жестко сложившаяся двухпартийная американская политическая система и производный от нее фактор ресурсной зависимости. Для того чтобы стать полноценным американским политиком как федерального, так и регионального уровня, субъект должен номинироваться от какой-либо из двух ведущих партий. В противном случае политический игрок попадает в разряд политических маргиналов и его идеи не воспринимаются широкой аудиторией.

Можно привести в качестве примера парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию: когда кто-либо из независимых политиков высказывается за ужесточение иммиграционной политики или по крайне болезненно воспринимаемой в США расовой проблеме, то тем самым он бросает вызов сформировавшемуся американскому мейнстриму. С другой стороны, подобные меседжи со стороны партийных лидеров способны актуализировать данную острую проблематику, что наглядно продемонстрировал успех Д. Трампа. Здесь самое время обратиться к сопоставлению различных методологий, которыми руководствуются отечественные и западные социологи: сетевого подхода, ресурсной зависимости, социального класса.

Начнем с первого: яркие его представители, такие как М. Грановеттер, утверждают, что основой взаимодействия различных политических акторов являются «плотные сети», возникающие непосредственно в процессе социального взаимодействия в конкретной ситуации. «Плотные сети», появляющиеся внутри определенного политического слоя, как правило, не могут служить достаточным основанием для институционализации эффективных политических институтов, поскольку внутриэлитная коммуникация сбалансирована массовой. Но бывают периоды, когда именно публичные формы установления дискурса приобретают решающее значение. Именно это и происходит во время избирательных кампаний, в процессе которых формируются многочисленные «сетевые политические коммуны» с доминирующим значением горизонтальных связей над вертикально-иерархическими.

При этом нельзя не учитывать фактор «ресурсной зависимости», когда конкретные политики выступают в роли агентов крупных организационных структур, в данном случае ведущих американских партий. В результате большой политической субъект предоставляет малому все ресурсы: программные установки, пиарщиков, экспертов. Более того, только данная партия и способна дать шанс конкретному игроку стать настоящим политиком.

Однако в западной социологической традиции существует подход, представители которого руководствуются иной методологией, нежели сторонники «ресурсной зависимости». Речь идет о теории «социального класса», в основу которой положены представления о том, что «основными акторами социального действия являются конкретные индивиды, а организации – лишь инструмент в их руках» [1, с. 243]. С данных позиций мы можем утверждать, что в конкретных президентских выборах в США принимали участие отдельные политики, целью которых является получение президентского поста для реализации своей программы. Эти два подхода (ресурсной зависимости и социального класса) в корне не противоречат друг другу. Скорее, можно говорить о двустороннем процессе взаимодействия индивидов и организаций, в результате чего партийные программы постоянно обновляются и становятся гибче, реагируя на текущие проблемы.

Вследствие этого партийные элиты постоянно трансформируются эволюционным путем, хотя надо учитывать, что в политической системе США очень сильно представлены кланы и династии: Кеннеди, Буши, Клинтон. Поэтому сама логика американского политического рынка не приемлет партийной чехарды, способной породить хаос. Об этом писал известный американский экономист Й. Шумпетер, который уподобил принципы и программные установки политических субъектов товарам, продающимся в универсаме: «Сам избиратель не принимает политических решений, а руководствуется инициативой к выбору одного из конкурирующих кандидатов» [2, с. 370]. В подобной ситуации наличие множества конкурирующих между собой политических субъектов способно дезориентировать избирателя, породить неопределенность и тем самым увеличить риск вето при принятии стратегически важных решений. За основу мы можем взять утверждение американского экономиста Д. Норта: «Экономические рынки, близкие к эффективным, встречаются крайне редко. Политических рынков такого типа вообще не существует» [3].

В действительности, сильная политическая конкуренция ведет к высокой степени волатильности (частоты колебаний избирательных предпочтений). В подобной ситуации партийная система превращается в подобие «проходного двора», когда одни политические силы сменяют другие, не успев выполнить и малой части своих обещаний. Подобное можно было наблюдать в России в 90-е гг. XX в., и сегодня происходит на Украине.

Сдерживающим высокую степень конкуренции и гиперволатильности фактором функционирования политического рынка является тенденция «смещения в центр», которая стремится упорядочить политическое пространство путем сближения месседжей и формирования крупных коалиций. В политической борьбе субъекты перехватывают друг у друга лозунги, формируя тем самым (часто неосознанно) общенациональную повестку дня. Поэтому и утвердилось расхожее выражение, что не существует больших различий между демократами и республиканцами. Но насколько все это характерно для прошедшей избирательной гонки в США?

Существует ряд моментов, опровергающих устоявшиеся суждения. Первое, на что следовало бы обратить внимание, это то, что кандидаты в президенты не стремились перетянуть на свою сторону колеблющихся, а делали ставку на свой «ядерный электорат». Безусловно, это относится в первую очередь к победившему Д. Трампу, и сам факт его грандиозного успеха свидетельствует о многом. Основной республиканский кандидат имел множество противников среди членов своей партии, американской политической элиты в целом, различного рода меньшинств (в совокупности составляющих большинство). Это может свидетельствовать о пока еще незримом начале размыва устойчивых американских коалиций.

В качестве таковых уместно рассматривать две основные политические партии, но следует учитывать, что между ними самими существует негласная коалиция по фундаментальным вопросам американской внутренней и внешней политики (особенно последнего времени). И здесь в роли «пионера» изменений политических конфигураций успел выступить 44-й президент США Б. Обама, совершивший действия, идущие вразрез с установками американского истеблишмента: он заключил соглашение с Ираном, установил дипломатические отношения с Кубой и совершил первый исторический визит в данное государство; в области внутренней политики следует отметить, прежде всего, начало медицинской реформы.

Все это вызвало резкую реакцию «традиционалистов», в большей степени ассоциируемых с республиканской партией, что и вызвало тренд на смещение «вправо», и Трамп, возможно, лучше других, уловил данную тенденцию. В то же время на протяжении избирательной гонки он высказывался за сотрудничество с Россией, что противоречило мнению «неоконов», имевших очень сильные позиции при прежнем республиканском президенте Д. Буше. Также Д. Трамп обладает имиджем изоляциониста и сторонника невмешательства США в дела других стран, что не может устраивать лоббистов американского ВПК, имеющих у республиканцев сильные позиции. В свою очередь, в среде демократов стало набирать силу левое движение. Свидетельством этому явилась победа на губернаторских выборах в Нью-Йорке «красного» кандидата Билла де Блазио, не столько классического либерала, сколько социалиста, а затем выход на политическую арену Б. Сандерса.

В действительности, как уже отмечалось, вполне можно говорить о начале конца устойчивости партийных предпочтений граждан США. На это влияет множество факторов: приток мигрантов, изменение демографического состава населения в ряде штатов, деиндустриализация, сокращение доли среднего класса.

Следует акцентировать внимание еще на одной проблеме. Это так называемый фактор «группового давления». Одной из первых обратилась к этому явлению немецкая социальная мыслительница Э. Ноэль-Нойман. Исследуя природу избирательных процессов, она

установила, что в «выигрышном положении оказываются те политические партии, которые способны мобилизовать в свою поддержку наиболее молодых и образованных из числа лидеров общественного мнения» [4, с. 30]. В этом плане явное преимущество было у Х. Клинтон, которая, как считалось, имела сильные позиции в среде студенчества ведущих вузов США. Также на ее стороне были значительная часть интеллектуальной элиты и подавляющая часть СМИ и Голливуда. В терминологии Ноэль-Нойман это активное меньшинство, в пользу которого избиратели зачастую изменяют свои позиции.

Но, как показал итог американских выборов, подобные приемы не всегда дают должный эффект. Групповое давление не должно быть очень сильным, чтобы не спровоцировать ответную реакцию, в противном случае потенциальные избиратели будут опасаться высказывать свои предпочтения, но только до подхода к кабинкам для голосования. Ни в коем случае нельзя создавать иллюзию предрешенности итогов голосования, поскольку это провоцирует колеблющихся и демотивирует «диванных сторонников».

В свою очередь, настоящие «лидеры мнений» способны обнаруживать себя в микро-социальной среде. Речь здесь идет о персональных контактах, ни в каких избирательных кампаниях данный фактор нельзя сбрасывать со счетов. Он может быть эффективным уже в силу гораздо меньшей капиталоемкости по сравнению с организацией публичных мероприятий. При этом трудно оспорить вывод американского социолога и одного из авторов теории двухступенчатой коммуникации П. Лазарсфельда, сделанный им еще в середине XX столетия, о том, что «каналы массовой коммуникации оказываются эффективными для направления существующих базовых установок. Однако очень мало подтверждений возможностей этих средств в изменении установок» [5].

Индивиды и социальные группы в процессе социальной практики руководствуются заданными установками, к чему их побуждают мотивы и потребности. Для американских избирателей потребность в обеспечении личной безопасности всегда теснейшим образом коррелировала с необходимостью обеспечения защиты государственных интересов. Данная связь просматривается наиболее явно в случае резонансных событий – террористической атаки 11 сентября 2001 г., бостонского теракта.

Во время избирательной кампании Д. Трамп активно апеллировал к приоритетности личной безопасности американских граждан, так, он отстаивал право на ношение оружия, в результате чего заручился поддержкой влиятельного оружейного лобби. На фоне имевших место в последнее время массовых расстрелов в разных регионах США проблема разрешения использования личного стрелкового оружия стала особенно актуальной. Такими резонансными стали расстрелы в Сан-Бернардино, в ночном клубе Орландо, последний произошел в самый разгар избирательной кампании. Остроту проблеме добавил тот факт, что участники преступлений были выходцами из мусульманских стран. Как известно, именно Д. Трамп высказывался за ужесточение миграционной политики, что шло вразрез с мейнстримовской политкорректностью американской элиты и масс-медиа. Таким образом Трамп бросил определенный вызов основным установкам американского политического и культурного истеблишмента.

Определение установки также тесно связано с понятием стереотипа, но достаточно часто в практиках социальных наук происходит смешение данных понятий. Американский журналист и политолог У. Липпман, еще в 20-е гг. XX в. первым привлечший внимание к данной проблематике, рассматривал стереотипы как «некое ситуативное знание, своего рода “картинки в голове”, сверяясь с которыми человек ориентируется в повседневной жизни» [6, с. 28]. Следовательно, в первую очередь стереотип – это как бы заготовленный заранее образ некоторого объекта, позволяющий при контакте с ним не тратить время на изучение ситуации, а сразу

же включать определенные программы «встречного» поведения. Другая сложная функция стереотипа состоит в том, что он представляет собой форму обобщения и классификации. Стереотип – это и в самом деле образ, вобравший в себя множество определенных объектов, в котором уникальные свойства каждого из них как бы размываются, отходя на задний план.

Например, в американском и российском обществе сложились разные представления о том, кого следует считать либералом. В России это убежденный рыночник, противник вмешательства государства в экономику, «антисоциальщик», лоббист интересов крупного капитала. Напротив, в США либералами считают сторонников государственного участия в экономике, выступающих за социальные программы помощи бедным.

Стереотип по своей сути – более фундаментальная и укоренившаяся в структуре человеческого сознания категория, именно стереотип порождает установку, которая затем может усваиваться индивидуальным сознанием и интерпретироваться, исходя из личного опыта. Например, известно, что американцы в большей степени интересуются жизнью своего региона, чем штата, государства и мира в целом. Однако под влиянием резонансных событий их установки могут быстро активизироваться, и политические субъекты стараются направить их в нужное для себя русло, что зачастую делал Д. Трамп во время своей избирательной кампании, и довольно успешно.

Теперь остановимся на проблеме отношения различных исследователей к пониманию того, что есть политическая культура. Здесь обнаруживается различие в подходах между политологами и социологами. Первые часто используют теоретизированные схемы классиков политической науки Г. Алмонда, С. Вербы, С. Липсета. Например, широко известна типология, разделяющая политическую культуру на приходскую, подданническую и зрелую культуру участия, в действительности, это не что иное, как идеальные модели. В политологии в настоящее время критерием эффективности функционирования избирательных институтов во многих случаях выступает все возрастающий уровень рациональности, поскольку западные исследователи в качестве «эталона» эффективной демократии выделяют рационально-активистскую модель.

Данная система предполагает высокую степень вовлеченности граждан в политику и строгий рациональный расчет по выборам представительных органов власти. Но, как показывает практика, популярность или отторжение тех или иных политических субъектов часто основана на эмоциональных оценках. Согласно выводу, сделанному американским социологом С. Липсетом, «приверженность, в основе которой лежит рационально-прагматический расчет, на деле означает не что иное, как лояльность. Последняя крайне неустойчива, поскольку чересчур сильно зависит от эффективности системы» [7]. Именно поэтому социологи указывают на роль аффективных элементов в конструировании «сетевой политической коммуны», которая и является социальной средой формирования политической культуры. Процесс ее формирования рассматривается в рамках парадигмы «сетевой теории».

Данная методология имеет истоки, лежащие в плоскости экономической социологии. В середине 80-х гг. XX в. американский социолог М. Грановеттер высказал предположение о лежащей в основе любого экономического действия укорененности сетей социального взаимодействия. В политической же области институционализация отношений происходит путем согласования интересов в сетях, именно так могут создаваться «политические фирмы». В качестве таковых можно рассматривать и политические партии, в нашем случае республиканскую и демократическую. При этом баланс интересов в этих организациях может быть обеспечен только для очень узкого круга. Политики же имеют дело с очень большими группами, которые определяются в качестве «случайной общественности». В то же время, если

эти большие группирования каким-либо образом причастны к политике, то с экономической точки зрения они должны рассчитывать на свою долю в коллективном благе. Д. Трамп часто использовал данный фактор при обращении к своему ядерному электорату.

В качестве побудительных мотивов политического выбора, имеющих ярко выраженную эмоциональную окраску, также может выступать и личная харизма политика. Однако тенденции современных политических процессов во все большей степени свидетельствуют о «кризисе решений» политических субъектов. Примером может служить то обстоятельство, что ни одному президенту США в последние десятилетия не удалось реализовать свои предвыборные обещания в полной мере. Так, Б. Обама, обладая имиджем миротворца и получив Нобелевскую премию мира в 2009 г., втянул США в целый ряд военных кампаний, толком не разобравшись со старыми конфликтами, не сумел закрыть тюрьму Гуантанамо, принял участие в военной операции против Ливии и др.

Д. Трамп практически сразу, с начала своего президентства, столкнулся со сложностями в реализации своих миграционных указов и в выполнении обещания строительства стены на границе с Мексикой. Данные политические акции на деле обнаруживают свою экономическую затратность и не поддерживаются большинством американских граждан. Во время непосредственного голосования никто из сторонников Д. Трампа не высчитывал на калькуляторе, во сколько обойдутся экономике США его популистские обещания и как на деле возможно осуществить реиндустриализацию. Не будет ли декларативным указ 45-го президента США о защите американских производителей, известный как «покупай американское, нанимай американца»? Как это затронет интересы работодателей?

Таким образом, «рациональный выбор» конкретных избирателей и электоральных групп обнаруживает свою ограниченность. В свою очередь, в теории сетей существенно смещается акцент с эффективности решений к мобилизационным возможностям политических сетей. Мобилизационные ресурсы в большей степени определяют стиль современной политики, нежели способность к принятию решений. На деле подобные выводы содержат указание на все большее значение коммуникационных аспектов политической культуры. При этом коммуникативное взаимодействие в сетях зачастую выстраивается в горизонтальном порядке. Таким образом, с точки зрения социологии, уместно говорить не о политической культуре как о чем-то состоявшемся, а о ее проявлениях в каждой конкретной ситуации и регионе. И этот фактор необходимо учитывать во всех предвыборных кампаниях, что не всегда делал Д. Трамп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 226–280.
2. Шумпетер Й. Капитализм. Социализм. Демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
3. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 93–105.
4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем. М.: Прогресс-Академия, 1996. 352 с.
5. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003. С. 243–256.
6. Lippmann W. Public Opinion. New York: Free Press, 1965. 358 p.
7. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134.

A. A. Soldatov
State Marine Technical University

PECULIARITIES OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN THE USA IN 2016

The article is devoted to the presidential elections in the USA last year. The sociological analysis of the main results of these elections and those changes taking place in American electoral processes is carried out. Analyzing the results of these elections the author uses the net approach, the theory of the resource dependence and the conception of social classes. The conclusions about the beginning of washing out of stable political coalitions in the American political system and the formation of a new political situation in this country are drawn.

Presidential elections, political market, the USA, political culture, communication, nuclear electorate

УДК 316.286

А. В. Щербина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В КОНФЛИКТОЛОГИИ

Рассматривается эвристический потенциал анализа социального конфликта в коммуникативной парадигме, позволяющей обогатить отечественную конфликтологию методами современной лингвистики. Намечаются методологические ориентиры дискурс-анализа социального конфликта как процесса, имеющего латентную и явную фазы. Специальное внимание уделяется понятиям коммуникативного конфликта, конфликтного дискурса.

Социальный конфликт, коммуникация, социолингвистический анализ, когнитивные схемы, дискурс-анализ, коммуникативный конфликт, конфликтный дискурс, коммуникативная стратегия

Глобальная конкуренция, терроризм и экстремизм, информационные войны, разрушение государственности под давлением внутренних противоречий и глобальной конъюнктуры, непримиримая идеологическая борьба под светскими и конфессиональными знаменами, неспособность договариваться и приходиться к долговременному согласию на глобальном, региональном, локальном уровнях, рост речевой агрессии – все это порождает ощущение «перманентного конфликта», хрупкости мира и побуждает к поиску новых способов рационального осмысления конфликтов и возможностей их регулирования.

Исследования социальных конфликтов имеют междисциплинарный характер. Представляется продуктивным рассмотреть некоторые актуальные направления анализа социальных конфликтов в коммуникативной парадигме, одной из самых амбициозных в современном социально-гуманитарном знании, обладающей ярко выраженным междисциплинарным характером и нацеленностью на решение прикладных задач. Не претендуя на выдвигание целостной характеристики коммуникативной парадигмы, выделим два акцентуруемые в ней положения, значимые для обсуждаемой темы:

- 1) коммуникация имеет символическую природу, что определяет значимость семиотических и социолингвистических подходов к ее анализу;
- 2) исследователь социальной коммуникации испытывает на себе ее влияние и сам влияет на нее.